

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/15

РУСИНСКАЯ КАРТИНА МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИКУРСЕ ВАСИЛЯ ПЕТРОВАЯ*

**Н.Ф. Алефиренко¹, И.И. Чумак-Жунь²,
А. Петрикова³**

¹ Университет Градец Кралове

Чешская Республика, 50003, г. Градец Кралове, ул. Рокитянского, 62

E-mail: n-alefirenko@gambler.ru

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: n-alefirenko@rambler.ru; chumak@bsu.edu.ru

³ Пряшевский университет в Пряшеве

Словакия, 08078, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 1

E-mail: anna.petrikova@ff.unipo.sk

Авторское резюме

Представлена лингвокультурологическая интерпретация русинской картины мира в романе Василия Петрова «Русины» (1994). Предпринята попытка выявить в воссоздаваемой писателем картине русинского мира жизнесмысловую доминанту духовной жизни народа. Для героев романа характерно религиозное восприятие мира, но их религиозность не ограничивается только пребыванием в храме. Она пронизывает все их этнокультурное сознание. Концепт «Вера» представлен в лексиконе героев романа многочисленными лексическими и паремийными репрезентантами. Лингвокультурологический анализ романа позволяет: а) интерпретировать своеобразие русинской соборности; б) декодировать основные «мифоритуальные» традиции русинов; в) в народно-поэтической семиотике, обрядовых мотивах и других элементах поэтизации русинского мира выявить и осмыслить самобытный этно-

* Статья поддержана проектом «Международная мобильность для исследовательской деятельности университета Градец Кралове», Чехия 02.2.69/0.0/0.0/16_027/0008487.

культурный код, обнаруживающийся, хотя и не всегда явно, в народных суевериях и в семейном укладе крестьянской жизни.

Ключевые слова: русинская картина мира, художественный дискурс, соборность, народ, этнокультурное сознание.

RUSINIAN WORLDVIEW IN VASILY PETROVAJ'S LITERARY DISCOURSE*

N.F. Alefirenko¹, I.I. Chumak-Zhun², A. Petrikova³

¹ Univerzita Hradec Králové

62 Rokitanského Street, Hradec Králové, 50003, Česká Republika

E-mail: alefirenkon@yandex.ru

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

³ University of Prešov in Prešov

1 17 Novembra Street, Prešov, 08078, Slovakia

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Abstract

The paper discusses the linguocultural interpretation of the Rusinian picture of the world Vasily Petrovaj's *Rusins* (1994). The authors attempt to identify the life-meaning dominant of the people's spiritual life in the picture of the Rusinian world created by the writer. The heroes of the novel demonstrate a religious perception of the world; however, their religiosity is not limited to just going to church, but permeates all their ethnocultural consciousness. The concept "Faith" is represented in their lexicon by numerous lexical and paremiic representatives. The linguoculturological analysis of the novel allows: a) interpreting the originality of Rusinian collegiality; b) decoding the main "mythoritual" traditions of Rusins; c) analyzing folk poetry semiotics, ritual motifs, and other elements of Rusinian world poetisation to identify and comprehend a distinctive ethnocultural code that is found, although sometimes implicitly, in popular superstitions and pesant family structure.

*The paper is supported by Project "International Mobility for Research at Hradec Kralove University", Czech Republic.02.2.69 / 0.0 / 0.0 / 16_027 / 0008487.

Keywords: Rusinian worldview, literary discourse, unity, ethnocultural consciousness.

В силу различных исторических, лингвистических и этнических факторов, оказавших влияние на самосознание русинского этноса, русинская картина мира (РКМ) представляет собой не только *terra incognita* этнолингвистики, но и неординарный предмет лингвокультурологической компаративистики. Несмотря на географическую раздробленность (русины проживают в Словакии, Польше, Сербии, Украине, США, Канаде и других странах), этот народ подтверждает миру свое этническое самосознание – прежде всего, совокупностью разнородных диалектных, наддиалектных и литературно-языковых форм своего языка и самобытной лингвокультурой. В качестве лингвистического аспекта, воздействующего на укрепление этнического самосознания, следует назвать своеобразные активные процессы в развитии каждого из существующих вариантов русинского языка – лемковского (в Польше), пряшевского (в Словакии) и закарпатского (на Украине) [7: 67]. Мастерами русинского художественного слова являются Юрий Чорий, Михаил Кемень, Иван Ситарь, Михаил Чухран, Василий Молнар, Михаил Белень, Иван Петровций, Роман Пищальник. Особое место в русинском художественном мире занимает творчество Василя Петрова, этнокультурный роман которого «Русины» служит благодатным материалом для моделирования русинской картины мира.

Картина мира этноса представляет собой целостное структурирование 1) знаний – результата познавательной деятельности людей, на основе которого формируется образ мира в форме обыденных понятий и представлений, и 2) проявлений общественного и индивидуального сознания в виде мнений, суждений, точек зрения, оценок как отдельного члена сообщества, так и целого этноса о среде своего обитания. РКМ отображает мировоззрение этноса (русины объявлены самостоятельным этносом в Конституции Словацкой Республики 1993 г. [4: 57]) как совокупности знаний, основанных на мироощущении, миропонимании и мировосприятии. Мироощущение проявляется через отношение человека к природе и окружающей действительности, через различные его чувства, настроение, действия и поступки (поэтому мироощущение выступает в качестве эмоционально-психологической основы мировоззрения). Миропонимание представляет его познавательно-интеллектуальную сторону. А в случае, если миропонимание опирается на наглядные представления, оно становится мировосприятием. Словесно-художественное картирование русинского мира даже по тексту одного романа авторитетного автора ведет к достижению важнейшей для когнитивной

лингвопоэтики методологической цели: приблизиться к пониманию места русинского мира в европейском ценностно-смысловом пространстве, уяснить его генеалогические и когнитивно-дискурсивные связи с другими лингвокультурами, выявить самобытный характер РКМ. Значимость феномена «картина мира» народа сформулировал М. Хайдеггер. Согласно его концепции, с того момента, когда человек начинает понимать и изображать мир как картину и, более того, как это достаточно убедительно делает Василь Петровай, «превращать мир в картину», «с этого момента начинается его деятельность как субъекта исторического процесса» [8: 67–68]. Без единой для всего народа картины мира немыслима и этническая идентичность русинов [3: 239; 5: 107]. По данным исследований В.Н. Топорова, «в самом общем виде модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. Модель мира не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать модель мира во всей ее полноте). Системность и операционный характер модели мира дают возможность на синхронном уровне решить проблему тождества / различия инвариантных и вариантных отношений, а на диахроническом уровне установить зависимость между элементами системы и их потенциями исторического развития» [6: 161].

Пожалуй, центральным понятием воссоздания русинского мира является дискурс в его лингвокогнитивном понимании, медийное звено между языком и мышлением. Художественно-когнитивный мир (дискурс) Василя Петровай – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст романа «Русины», но и различные экстралингвистические факторы, оказавшие конструктивное воздействие на формирование смыслового содержания романа. Это знание русинской действительности, суждения персонажей, ценностные установки, играющие важную роль в понимании и восприятии РКМ. Реконструкция РКМ по тексту его романа предполагает анализ изложения событий, характеристику речевых портретов героев, извлечение перформативной информации, учет всех обстоятельств, сопровождающих события, обращение к этнокультурному фону. Василь Петровай, как любой талантливый писатель, стремится отразить в воссоздаваемой картине русинского мира доминанту духовной жизни своей, своего народа, чтобы в ней обрести, как писал о значимости картины мира гениальный А. Эйнштейн, «покой и уверенность...» [9: 136].

Через особенности русинского языка возможно проникновение в образ мышления этноса, при этом становится реальной попытка

взглянуть на мир глазами русина. Осуществить такого рода задачу можно, только реконструировав адекватную русинскую языковую картину мира, поскольку, как известно, картина мира получает в каждом языке этнокультурную форму выражения. Русинский язык, несмотря на свою близость к украинскому, словацкому и польскому, все же оформляет самобытный образ русинского мира в соответствии со своей собственной системой этнокультурных коннотаций. В основе специфического для данного этноса «видения мира» лежат этноязыковые стереотипные установки, характерные для этноязыкового сознания всего русинского сообщества. Они определяют единообразный способ членения действительности и те черты, которые русины в первую очередь замечают в предметах и ситуациях, используя их в качестве внутренней формы наименования.

Итак, обратимся к тексту романа Василя Петрова со знаковым названием «Русины».

Культурологический комментарий. Исследование русинской картины мира проведено на материале романа Василя Петрова «Русины» (1994). Считается, что в новейшей истории эта литературная публикация романа русинского автора издана самым большим тиражом – 250 тыс. экземпляров. Автор романа родом из села Габура, находящемся в восточнословацком регионе Словакии, ныне проживает в Мариуполе.

Роман первоначально был издан в авторском переложении на русский язык в Советском Союзе (М.: Советский писатель, 1987). Василь Петровай – сторонник использования в русинской лингвокультуре латиницы, поэтому в 1994 г. на карпаторусинском языке роман был впервые издан в данном графическом исполнении (именно это издание легло в основу иллюстративного материала, использованного нами). Годом позже (в 1995 г.) на основе западноземплинского и восточноземплинского говоров был кодифицирован карпаторусинский литературный язык Восточной Словакии. В этой связи была установлена кириллическая система русинского языка.

Дискурсивно-экстралингвистические факторы (затекстовая информация)

Художественный и исторический хронотоп романа. Действие романа происходит в конце XIX – начале XX в., в период существования Австрийской империи (королевства Угорщины). С середины XIX в. до 1919–1920-х гг. большая часть Закарпатья была сначала в составе Австро-Венгрии, затем – Венгрии. Это время двух противоположных политических процессов: относительной свободы русинов и мадьяризации населения посредством обучения детей русинов в школах на венгерском языке.

Особенно интенсивно этот процесс проходил в Восточной Словакии. В 1918 г. в Закарпатье был образован русинский автономный край – Руська Краина.

Исторические факты в романе описаны сквозь призму судьбы нескольких поколений русинской семьи крестьян Кермешей. На фоне жизнеописания семьи отражена жизнь большинства русинских семей того времени, односельчан Кермешей: крестьянские традиции, обычаи, быт, ведение собственного хозяйства, уход за домашним скотом, обработка земли. Хотя локус романа обозначен очень точно – село Вышня Вода Лаборского региона Восточной Словакии, топос гораздо шире и определяется многочисленными упоминаниями места проживания русинов.

Концептосфера романа. Характер речевого поведения персонажей обуславливается способами и факторами вербализации т. н. эмоциональных концептов. Основным способом их репрезентации выступает вкладываемый в уста персонажей лексикон, а главным фактором их понимания – прагматикон.

Дискурсообразующим в анализируемом романе является мегаконцепт «Русины». В ценностной РКМ – героев романа Петровая – данный мегаконцепт членится на три концепта, которые, собственно, и образуют «ось ментальности» этого народа – концепт «Вера», концепт «Человек» и концепт «Народ». Системообразующим смыслом этой оси ментальности, объединяющим практически все художественные концепты, является уникальный феномен русинской соборности, имплицированный в самых различных языковых формах. Русинская соборность – это духовная общность рассредоточенного по разным диаспорам народа, без которой было бы невозможно сохранить национальную идентичность пространственно и религиозно разрозненному этносу. Именно такая соборность – «симфоническое» единение русинов как в мирской, так и в религиозной сфере – исторически правдиво определяет судьбу героев в романе. Соборность русинов представлена языком художественной прозы как многоконфессиональность (один из текстовых смыслов концепта «Вера»), многонациональность (один из текстовых смыслов концепта «Народ») и толерантность. Замечательно, что общеславянские поговорки в русинском языке приобретают дополнительный смысл, который связан с пониманием ценности каждой жизни. Так, *každýj mať pravo na misce pid son'com* толкуется в тексте романа не просто как право на существование, а 'достоинство, высокое положение в селе'. Любовь к родине выражена в специфических культурных формах: *Rodnu spivanku, jak rodnu zeml'u, ne mož zabýty*. Наконец, соборность проявляется и во внутренней форме русинского языка. Это, собственно, и обеспечивает возможность про-

никновения через речевые образы персонажей в самобытный мир русинского этноса. Осуществить такого рода задачу можно, только реконструировав (по системе художественных концептов) адекватную языковую РКМ. Русинский язык, несмотря на свою системную близость к украинскому, словацкому и польскому, обладает настолько выразительной собственной системой этнокультурных коннотаций, что способен создавать весьма самобытный образ русинского мира.

Поскольку в любой картине мира преобладают морально-нравственные представления этноса, в художественном дискурсе русинский мир раскрывается через косвенную репрезентацию (в поступках и действиях персонажей) обыденного, религиозного и эстетического сознания. В конечном итоге они (через поведение отдельных персонажей) позволяют сосредоточиться на ценностных представлениях и смысложизненной доминанте русинского этноса. При этом важной оказывается каждая вещь, каждый реальный или воображаемый персонажем объект, т. к. картина мира этноса – это, по мнению Карла Ясперса, «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [10: 239]. Поэтому бытовые описания в «сетке координат» романа В. Петрова несут особую культурологическую нагрузку. Нередко сквозь призму незначительной вещи открывается целый космос этнического бытия. С помощью обыденной картины мира «люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании». Разумеется, в каждой модели мира «есть этнические особенности и универсальные понятия и категории (время, пространство, изменения, причина, судьба... и т.д.)». Однако каждая такая категория «глубоко национальна по способу выражения в языке конкретного народа как отражение склада ума» [1: 26]. Немаловажное значение в воссоздаваемом дискурсе романа В. Петрова имеет поведение людей и их взаимодействие с миром. Этническая картина мира служит программой поведения персонажей (в т. ч. и поведения речевого). Она во многом определяет набор житейских действий, используемых русинами для воздействия на мир, и их мотивировку.

Обстоятельства места и времени, национальные особенности русинов способствуют развитию соборности, и понять это помогают некоторые *дискурсивно-экстралингвистические факторы – фоновая информация*, которая является одной из составляющих дискурсивного анализа.

Смыслы концептов «Человек» и «Народ», представленных в романе, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Взаимодействие этих концептов определяется доминантной идеей, которая читается в названии произведения: «Русины» – это судьба народа, представленная через судьбу человека, и / или судьба человека, представленная

через судьбу народа. Необычность, странность народа, разбросанного по славянским землям, определяет и характер отдельного героя – Степана (Штефана) Кермеша, судьба которого, в свою очередь, является одной из частей, создающих неповторимую мозаику русинского узора.

«Человек» – «Народ» – *истоки и пространство*. Своего рода топонимической аллюзией, напоминающей, что в XIX в. Австрийская империя занимала территорию Чехии, Словакии, Польши, Сербии, Хорватии, Венгрии, можно считать информацию, что жители села не знают, откуда появился Степан Кермеш. Одни говорят, что из Жешува (Польша), другие – из Остравы (Чехия), третьи – из Альфолда (Венгрия). Упоминание нескольких славянских городов определяется тем, что в Словакии в XIX в. была сильна идея славянской взаимности. Словаки себя считали *славенами*, а наречие – *словенским*. Некоторые ученые считают, что словенское, чешское, моравское наречия – это один язык, а русинское ближе всего к малоросскому. На самом деле одна часть словацкого языка близка к польскому, вторая – к чешскому, а третья – к русинскому наречию [2: 77]. Эти же смыслы – интернациональность, соборность этноса – несет и информация о тайне семьи Кермешей – о цыганском происхождении главного героя. Несмотря на вышесказанное, весь роман пропитан идеей национальной идентичности русинов. Об этом свидетельствует множественность номинаций элементов русинской государственности: *земля словаков, русинов и подкарпатских народов; русинская земля, русинская народность, русинское государство, Подкарпатская Русь, горный край Бескидов, русначок*.

«Человек» – «Народ» – *внешность и характер*. Портрет Штефана Кермеша представляет некий симбиоз его противоречивых эмоциональных состояний. Человек отзывчивый (откликается на приветствия и стариков и детей: *z povahov odklykovavs'a na vytan'a i starý l'udej i d'ite*); задорный (носит лихо опущенную шляпу: *pryprydnytav nad syvov holovov po betar'ský zahnutý dolov kalap*); щедрый (без слов помогает незнакомому человеку деньгами (*ne promýrknuvšý slova, vorchav ruku do kešen'i vŷsŷprav perez neznytým čolovikom cilu pryhorš čtmavý grajcariv*), в то же время скрытный и немногословный (говорить о себе не любит: *pro sebe nŷkoti nuč ne rospovidav*) [11: 6].

Штефан – настоящий русин, высокий, сильный, плечистый мужчина с басистым голосом. Таковым он себя и ощущает: «*ja Rusŷn, býv jem i do kince dn'iv mojich budu*» [11: 6]. Эти слова Штефана перекликаются со словами из песни на стихи А. Духновича, ставшей гимном подкарпатских русинов: «*Я русин был, есмь и буду*»:

*Я русин был, есмь, и буду,
Я родился русином,*

*Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном;
Русин был мой отец, матери,
Русская вся родина,
Русины сестры, и братья,
И широкаа дружина.*

«Человек» – «Народ» – душа. Особую лингвокультурную нагрузку несут в тексте русинские песни – душа народа. Русины – народ очень голосистый и певучий, их мелодичные песни – любовные, семейные, родственные, бытовые – звучат не только по праздникам, но и «по случаю»: песня обрамляет любое событие русинской жизни. Особая эмоциональность русинов выражается в песнях, в т. ч. и любовных, что наглядно продемонстрировано в романе. Здесь и спокойная размеренная мелодия любви Степана с Геленой (*Эй, кроком, кони, кроком гористым потоком...*), и трепетная песня первой любви Николки к Геленке (*Ружа била-червена, Садыла ю Гелена, А я ю поливав – Буде моя жена*), и Геленки к Николаю (*О, кто-то Николая любит, О, кто-то Николаю служит, Тому, святой Николай, На всякий час помогай, О, Николай, Николай!*), и печальная песня-предчувствие неразделенной любви *«Як за нашов стодолечков, як за нашов стодолов»*, которая заканчивается словами: *Плакало си шварне дивча, плакало си там за мнов.*

Яркая, отчаянная любовь Николайки к цыганке, фарагонке Меланке тоже находит отражение в песне:

*Добри ми е, добри,
Добри ми ся водыт:
Едну ем охабыв,
Дысять за мнов ходыт...*

Эта тайная любовь представлена в нескольких песенных вариациях:

*Пре мене фраиркы
Почалися быти,
Я и сам уж не знам,
Котру мам любыти...*

Задорные и лихие песни звучат и в русинской тюрьме (*И шли цыгане из Бардейова с гусями, А Пукач плачет – утеряны гачи с цветами*), и в корчме, где не выпить за песню считается грехом (*А як я ся завозьму, завозьму, Оттыль жену не возьму, не возьму...*).

Песенным же фоном проходит темпераментный русинский чардаш в исполнении мужчин:

*Эй, заграйте, заграйте,
Або, забубнуйте,*

*Эй-гой, лебо ми на войну
Коничка зрыхтуйте.
Не пием паленьку,
Лем палену воду...
Не любим дзевчатко,
Лем його подобу.*

Русинская песня в романе приравнивается к родной земле: *Rodni spivanku, jak rodni zeml'u, ne moź zabuťu* [11: 195].

Именно это богатство, щедрость, красота, самостоятельность народной души и позволили столь малочисленной этнической группе пронести свою культуру, религиозную принадлежность, язык и самосознание сквозь четверть тысячелетия.

Концепт «Вера» – смысл 'соборности'

Дискурсивно-экстралингвистические факторы (затекстовая информация). Русины очень привержены религии, но в силу сложных исторических и геополитических событий исповедуют православную или греко-католическую веру. Славянофил Александр Кошелев в письме А.С. Хомякову «Шесть недель в австрийских славянских землях» (1857) пишет о русинах, что «Востоchnоправославных в Австрии до 3 700 000, униатов – до 3 100 000» [2: 18].

Русинский мир представлен в романе В. Петрова через призму религиозного сознания героев. Русинов с самого рождения сопровождают элементы православной или греко-католической веры и с ней связанные обычаи. Несомненно, языковая картина мира русинов в полной мере не является экстрагированием религиозной картины мира, но во многом определяется ею.

Для героев романа характерно религиозное мировоззрение, т. е. восприятие мира (в самом широком смысле этого слова) с точки зрения верующего человека. Религиозная деятельность героев романа протекает не только в храме, но и вне его. Молитва перед и после трапезы, перед сбором урожая и после него, *за дождь* или *за солнце*, знамение креста перед каждым встречающимся крестом возле *каплички* у дороги. В русинском и русском языках *каплица* – это *божница* (ср. лит. *Važnyčia* – церковь), часовня, которую ставили там, где нет церквей, и над могилами усопших. Поскольку такая часовня украшалась иконами, она и получила название божницы.

В лексиконе героев романа концепт «Вера» представлен многочисленными репрезентантами: *Бог, Божий свет, Христос-Бог, Иисус Христос, Господь, милосердие, ангел, Богородица, Мать Божья, раба божья, слуга божий, душа, милость, часовня, храм божий, распятие, вечерняя служба, обвенчаться, отче духовный, пастырь, процессия, крест, монастырь, ладан, иконостас, служба, хоругвь.*

Паремийный фонд повести с ритуальными сакральными маркерами необыкновенно богат: фразеологизмы с лексемой *Бог* встречаются на протяжении романа в речи практически всех героев. Показательно использование пословицы *Boh dal – Boh i vz'av* со значением ‘не стоит роптать на судьбу’, ‘на все воля божья’.

Важно акцентировать внимание на том, что лексема *Бог* в коммуникативном сознании героев Петрова относится к абсолютным, безусловным доминантам. Включение конвенциональных формул с использованием имени Бога в речь героев имеет разнообразную, но не всегда «благообразную» модальность.

1. Неизменно личное обращение к Богу как к вышней силе за сочувствием или помощью: «*Bože, Bože za što taká napast na našŭ holovŭ*», – причитала Палацаня, когда испугалась ночного прихода пьяного мужа из корчмы; «*Bože nebesnŭ*», – зывая к Богу, закричала мать Юстина, когда увидела покалеченного коня; «*Christom-Bohom prošu*», – призывая Бога, умоляет Палацаня не трогать пьяного мужа.

2. Апелляция к Богу (святым) занимает прочное место в перформативных высказываниях с семантикой клятвы, божбы. Лексема *святой* включается в состав единиц, представляющих концепт «Вера»: *Pris'ahav vŝŷtkŭma svjatŭma* – *клялся всеми святыми*. В русском языке существуют эквиваленты – *клянусь всеми святыми, вот тебе крест*, причем идиома усиливается ритуальным жестом – крестным знаменем. В сакральном пространстве грудь – это место пребывания человеческой души; когда герой клянется, то *byvs'a do hrudej, koly povidav*.

3. Обороты с лексемой *Бог* включаются и в речевые акты, которые произносятся с «предосудительными коммуникативными целями»: русины, бранясь, упоминают Бога, клянутся Богом: «*Prisam bohu!*» – например, когда Павел и Михал спорят, кому первому посчастливится провести ночь с Кристиной, женой их брата, уехавшего в Америку на заработки; «*Boha n'ahaj*» – заклинание, которое произнесла свекровь, Юстина, когда узнала, что задумал ее сын с Кристиной [11: 56].

4. Русины зывают к антихристу в ситуации полной безнадежности: «*Ancikristŭ va spokarajut, i sŷniv takŷch!*», – промолвила Юстина, когда увидела пьяных сыновей, возвращающихся домой [11: 8]. Негодование матери, ее раздражение вызвано не столько состоянием детей, сколько их неосторожным отношением к коню, который слишком дорог для небогатой деревенской семьи.

В тексте содержится и множество косвенных указаний на определяющую роль религиозной картины мира в жизни русинов: знаковым, например, является именник романа. Так, имя и фамилия главного героя *Степан (Штефан) Кермеш* изначально имеют религиозно-символическое значение.

Штефан. Антропонимический анализ этого мужского имени, обычного для русинской лингвокультуры, показал, что оно произошло от др.-гр. имени *Стефанос* (*Stephanos*), что обозначает 'венки, венец, корона победителя'. В церковном «Месяцеслове» 1891 г. Днем памяти Стефана в церковном григорианском календаре считается 26 декабря, в юлианском – 27 января. В нынешней церковной жизни русинов святой Стефан – апостол, первомученик и архидиакон. В церковном мире в этот день проводится праздничная литургия. Но сегодня 26 декабря в Словакии отмечается и в профанном (мирском, не связанном с религиозным, священным; светском) стиле: после долгого предрождественского поста проводятся забавы с танцами.

Антропоним *Кермеш* (синоним – *отпуст, у христиан* – 'благословение молящихся на выход из храма по окончании богослужения') обозначает храмовый праздник (церковнославянский), который празднуется в память святого или события, в честь которого установлен этот праздник. Русины – очень религиозный народ, поэтому участие на богослужбах считается обязательным. Этим же словом называют и семейный праздник, когда после богослужения вместе с приглашенными гостями русины продолжают праздновать, но уже в светской обстановке, в кругу семьи.

Текст позволяет декодировать не только религиозные представления русинов, но и «мифоритуальную» традицию данного культурно-языкового сообщества, «прочитать» в народно-поэтических знаках, мотивах и других элементах художественной поэтики национальный культурный код. Нередко мифопоэтическое мировоззрение играет роковую роль в жизни героев. Так, в романе сталкиваются народные суеверия – вера в «проклятое место» (убежденность селян в том, что дом у Властиного моста стоит на проклятом месте, что и ведет к гибели героини и к несчастьям потомков) натывается на традиционные представления о семейном укладе (Степан остается в «проклятом доме», потому что не хочет жить, как *pristaš* (*нпуймак*), ведь тот, кто переехал в дом жены (*pristahoval sa k žene*), оказывается на правах подчиненного) – эти детали тоже способствуют осмыслению самобытного этнокультурного кода русинов. Все же сохранившиеся островки русинского населения среди иноязычной, иноконфессиональной и инонациональной среды на Балканах – уникальный пример сохранения языка, культуры и русинского самосознания для многих народов мира.

Таким образом, путь к воспроизведению картины мира этноса с помощью словесно-художественного полотна предполагает многоэтапное перекодирование смыслового континуума: от художественного слова – к смысловому содержанию породившего данный

текст дискурса дискурсообразующего мегаконцепта (идеи и замыслу художественного целого), к совокупности базовых художественных концептов и, наконец, к картине мира этноса, пусть и фрагментарной, но вполне достоверной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
2. Кошелев А.И. Шесть недель в австрийских славянских землях // Русская беседа. 1857. Т. IV, кн. 8. С. 1–18.
3. Резанова З.И., Шильяев К.С. Этнонимы «русин», «русский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255. DOI: 10.17223/18572685/39/16
4. Сипко Й. Русины: политические и этнокультурные особенности // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 57–64.
5. Суляк С.Г. Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9
6. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 161–166.
7. Фейса М. Актуальные процессы в русинском языке // Русин. 2015. № 3 (41). С. 67–78. DOI: 10.17223/18572685/41/5
8. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 67–85.
9. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности. М.: Наука, 1967. 316 с.
10. Ясперс К. Философия. Книга 1. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
11. Petrovaj V. Rusynŭ. Pr'ášov: Rusyn'ska obroda. 1994. 270 с.

REFERENCES

1. Gurevich, A.Ya. (1993) *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"* [Historical synthesis and School of "Annals"]. Moscow: Indrik.
2. Koshelev, A.I. (1857) *Shest' nedel' v avstriyskikh slavyanskikh zemlyakh* [Six weeks in the Austrian Slavic lands]. *Russkaya beseda*. 4(8). pp. 1–18.
3. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms "Rusin" and "Rusinian" in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1(39). pp. 239–255 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/16
4. Sipko, Y. (2011) *Rusiny: politicheskie i etnokul'turnye osobennosti* [Rusins: political and ethno-cultural peculiarities]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 57–64.

5. Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4(42). pp. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9
6. Toporov, V.N. (1997) Model' mira (mifopoeticheskaya) [The (mythopoetic) model of the world]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the World Peoples]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 161–166.
7. Fejsa, M. (2015) Current processes in the Rusinian Language. *Rusin*. 3(41). pp. 67–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/5
8. Heidegger, M. (1986) Vremya kartiny mira [The Age of the World Picture]. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress. pp. 67–85.
9. Einstein, A. (1967) *Vliyaniye Maksvella na razvitiye predstavleniy o fizicheskoy real'nosti* [The influence of Maxwell on the development of ideas about physical reality]. Moscow: Nauka.
10. Jaspers, K. (2012) *Filosofiya* []. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
11. Petrovaj, V. (1994) *Rusynŭ*. Prešov: Rusyn'ska obroda.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры русского языка и литературы Университета Градец Кралове (Чешская Республика).

Nikolai F. Alefirenko – University of Hradec Kralove (Czech Republic).

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Irina I. Chumak-Zhun – Belgorod State National Research University (Russia).

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Петрикова Анна – кандидат философских наук, доцент кафедры русистики философского факультета Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Petrikova – University of Prešov in Prešov (Slovakia).

E-mail: <http://www.unipo.sk>